

М. Муртазин

ГОСУДАРСТВА ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ И УГРОЗЫ РЕЛИГИОЗНОГО ЭКСТРЕМИЗМА

Угрозы религиозного экстремизма, связанные с активностью исламистских сил, стали проявляться в Центральной Азии (ЦА) еще в 80-х гг. XX в. По мнению узбекского историка Б.Бабаджанова, уже во времена горбачевской перестройки у многих мусульманских лидеров в Средней Азии появились политические устремления.¹ Но опасность распространения политического ислама, угроза террористических атак, вероятность вмешательства религиозно-политических идеологий извне стала очевидной и реальной только после распада СССР, поскольку до того момента огромный оборонный потенциал и возможности системы госбезопасности блокировали даже такие массовые проявления национализма, как события в Казахстане 1986 г., ферганские погромы в мае-июне 1989 г. в Узбекистане, беспорядки в Душанбе в феврале 1990 г.

Силы исламистов в советский период внутри страны находились в зачаточном состоянии. Реальную угрозу для Центральной Азии представляли в 1979-1990 гг. лишь вооруженные формирования и группировки, действовавшие против советских войск на территории Афганистана. Именно там активизировались многочисленные вооруженные отряды исламистского толка, причем многие из них состояли из этнических узбеков, таджиков, туркмен. Разрозненные группировки позднее объединились в движения «Талибан» и «Аль-Каида» (запрещены на территории РФ), но они, в конечном итоге, не смогли распространить свое влияние, экстремистскую и террористическую деятельность на территорию Центральной Азии, в том числе, благодаря дислокации в Таджикистане 201-й Гатчинской мотострелковой дивизии.

К началу 90-х гг. XX в. явно проявились внутренние угрозы исламизма в Узбекистане и Таджикистане, а также, хотя в меньшей степени, – в Кыргызстане и Казахстане. Изначально авторитарный режим в Туркменистане не допустил никаких проявлений религиозного экстремизма в стране. Исламизм в Таджикистане стал одной из главных причин, вызвавшей гражданскую войну 1993-1997 гг. Партия исламского возрождения Таджикиста-

¹ Россия – Средняя Азия. Т.2: Политика и ислам в XX – начале XXI вв. М.: ЛЕНАНД, 2011. С. 217.

на (ПИВТ), история возникновения которой восходит еще к 1990 г., стала самым воинственным крылом Объединенной таджикской оппозиции. С ее лидером Саидом Абдулло Нури был вынужден считаться президент Таджикистана Эмомали Рахмон, а в 1997 г. даже российский президент Б.Ельцин принимал делегацию ПИВТ как одну из равноценных сторон-подписантов мирного соглашения, хотя сама Россия находилась тогда в состоянии войны с чеченскими сепаратистами-исламистами.

Узбекистан в равной мере испытал на себе угрозу исламизма в самом начале независимости. В декабре 1991 г. вооруженное формирование «Ислам адолати» («Исламская справедливость») и примкнувшие к ним более мелкие группировки «Ислам лашкарлари» («Воины ислама») практически взяли под свой контроль один из центральных городов Ферганской долины Наманган, а президенту Узбекистана И.Каримову пришлось лично выступить перед собравшимися жителями города, чтобы восстановить законный порядок.

До атак на башни Всемирного торгового центра 11 сентября 2001 г. в США (события 9/11) большинство государств ЦА занимали двойственную позицию по отношению к исламскому фактору. С одной стороны, наличие религиозных свобод и многообразия религиозных организаций декларировалось как естественное проявление нового демократического пути развития. Подобная позиция находила поддержку со стороны США и многих западноевропейских стран, поскольку они полагали, что соблюдение принципов демократии и религиозных свобод в Центральной Азии важнее сохранения стабильности и безопасности региона.

В 90-х годах наладилось активное сотрудничество центральноазиатских государств с различными странами арабо-мусульманского мира, включая Турцию, Иран, Саудовскую Аравию, Кувейт, Египет и др. В регион пришли многочисленные благотворительные и культурно-просветительские организации. Они активно пользовались возможностями развивать свою деятельность в Кыргызстане, Казахстане, в меньшей степени – в Узбекистане и Таджикистане, и минимально – в Туркменистане.

К числу таких организаций можно отнести Комитет мусульман Азии (Кувейт), Благотворительный фонд Ибрахим аль-Ибрахим, Всемирную Ассоциацию мусульманской молодежи (Саудовская Аравия), Фонд имама Хомейни (Иран), турецкие культурно-просветительские организации «нурджулар», «сулейманджилар» и др. Эти страны и организации ни в коей мере нельзя обвинять в поддержке религиозного экстремизма, но они привносили в религиозную ситуацию в каждой центральноазиатской стране новые идеологические акценты, которые вызывали турбулентность традиционного мусульманского сообщества.

С другой стороны, гражданская война в Таджикистане, события в Ферганской долине в Узбекистане и Кыргызстане, трагические события 2005 года в Андижане, террористические акты в Ташкенте и др. являлись свидетельством того, что исламский фактор и исламизм могут стать серьезной угрозой для стабильности всего региона. Как отмечает Б.Бабаджанов, «неожиданно свалившаяся свобода религии, кроме положительных факторов, имела обратную сторону. А именно, тот самый общественно-политический нигилизм, перераставший в условиях делегитимации авторитета власти в радикальную агрессию и терроризм».²

Естественно, что перед властями Таджикистана, Узбекистана и Кыргызстана остро стояли проблемы сохранения политической стабильности в своих странах, а Туркменистан и Казахстан с опаской наблюдали, как их соседи пытаются справиться с новой опасностью. Руководители центральноазиатских государств после подобных событий начали осознавать, что на одной демократии западного образца они не смогут построить сильное государство.

Подобная позиция находила понимание и поддержку в РФ, где сепаратизм, религиозный экстремизм и терроризм распространились не только на Северном Кавказе, но и в других регионах страны. Это создало почву для активного сотрудничества между Россией и государствами ЦА в сфере обеспечения безопасности и борьбы против религиозного экстремизма. В частности, в октябре 1998 года Москва, Ташкент и Душанбе приняли тройственную Декларацию о координации усилий по борьбе с экстремистскими течениями,³ которая стала одним из первых шагов по налаживанию активного сотрудничества между странами региона и РФ в борьбе против угроз исламизма.

Ситуация в сфере борьбы с религиозным экстремизмом радикально изменилась после событий 9/11, когда американский президент Дж.Буш объявил новый «крестовый поход» против исламского терроризма и сформировал Международные силы содействия безопасности (ISAF), которые были дислоцированы в Афганистане. Вооруженные силы центральноазиатских государств непосредственного участия в этом проекте не принимали, но Казахстан, Кыргызстан и Россия выступили в качестве транзитеров различных грузов для военного контингента ISAF на территории Афганистана.

² Россия – Средняя Азия. Т.2: Политика и ислам в XX – начале XXI вв. М.: ЛЕНАНД, 2011. С. 239.

³ Максименко В.И. Фундаментализм и экстремизм в исламе. Предисловие // Ислам и исламизм. М.: Российский Институт стратегических исследований, 1998. С. 5.

КОНФЛИКТЫ И ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ

Основным достижением широкой международной коалиции по борьбе с терроризмом стал не военный, а морально-политический аспект. После событий 9/11, терактов в Великобритании, Испании, Франции, и, наконец, в Германии, всем западным государствам стало ясно, что угрозы международного терроризма и религиозного экстремизма являются реальностью не только для мусульманского мира и России.

В 90-х гг. религиозный экстремизм воспринимался Евросоюзом и США как чисто внешнее для них явление. Более того, многие правозащитные институты в этих странах всячески поддерживали, пусть и опосредованно, исламистов на Северном Кавказе, в Азербайджане, в Центральной Азии, а действия государства против них квалифицировали как ограничение религиозных свобод и нарушение прав человека. Не случайно именно в 90-е годы были создана Комиссия США по международной религиозной свободе (USCIRF) и Бюро демократических институтов и прав человека ОБСЕ, которые до сих пор постоянно критикуют политику многих постсоветских государств в религиозной сфере.

Государства Центрально-Азиатского региона по мере своего становления осознали, что в своей внутренней политике им неизбежно придется учитывать то, что доминирующей в этом обществе религией является ислам во всем многообразии его проявлений. Было очевидно, что в качестве неизбежного императива рано или поздно перед каждым из этих государств встанет необходимость борьбы с религиозным экстремизмом и связанной с ним террористической деятельностью. Политическое руководство новых государств, выросшее из партийной номенклатуры советских времен, в идеале хотело бы ограничить роль религии в жизни общества и сохранить ислам только в качестве традиционного культурного компонента. Религия не должна вмешиваться в вопросы государственного устройства, управления экономикой или социальными вопросами. Религия – личное дело каждого человека, включая государственных служащих вплоть до президента, но руководствоваться религиозным учением и его предписаниями в жизни государства и общества недопустимо. Именно эти положения отражает принцип светскости государства, прописанный во всех конституциях центрально-азиатских государств.

В некоторых государствах региона, в частности в Кыргызстане и Казахстане, вплоть до последнего десятилетия сохранялось желание выглядеть демократическими и свободными в глазах западных партнеров. В то же время государственный аппарат был вынужден ужесточать свою позицию по отношению к тем религиозным структурам, которые не встраивались в предложенную государством схему взаимоотношений – религия не вмешивается в общественно-политическую сферу, государство не создает препят-

ствий традиционной деятельности религиозных организаций различных конфессий.

Вскоре различия между Западом и Востоком в подходах к понятию «демократия» стали выноситься и на теоретический уровень. Как пишет американская исследовательница современной Центральной Азии М.Олкотт, «по мнению руководителя Казахстана, казахи, будучи азиатами, не имеют ни исторической, ни культурной предрасположенности к демократии, и участие народа в управлении государством может усилить роль националистически настроенных демагогов, сторонников отделения, коммунистов и исламских радикалов».⁴

О различии западной и восточной демократии писал и президент Узбекистана И.Каримов: «Демократические институты должны отражать менталитет, особенности культуры народа. Известно, что западный образец демократии основан на философии индивидуализма, чрезмерной политизации масс. Восток же предлагает демократию, основанную на идее коллективизма, патернализма, приоритете общественного мнения».⁵

Очевидно, что и в остальных центральноазиатских государствах признают различия западного и восточного подходов к пониманию демократии. Эти различия усугубляются и тем, что лидеры республик *volens-nolens* нацелены на авторитарный принцип управления государством. Эти и другие разногласия привели к тому, что у США и западноевропейских стран, с одной стороны, и России и постсоветских мусульманских государств, с другой, в последнее десятилетие сформировались противоположные подходы к пониманию религиозных свобод. Но главная проблема заключается не столько в историческом аспекте различий между Западом и Востоком, сколько в несовпадении взглядов на понимание роли государства в обеспечении стабильности и безопасности, в том числе, и в религиозной сфере.

Теоретические подходы к проблемам религиозного экстремизма и терроризма, с точки зрения западного мира, видятся совершенно по-иному, нежели через реалии евразийского пространства. Для первого религиозный экстремизм – явление внешнее, привнесенное массой иммигрантов, которые нахлынули в Европу в течение второй половины XX в. и, особенно, в начале XXI в. И даже то, что некоторые теракты на Западе совершают иммигранты с Востока во втором и третьем поколениях, не меняет картину восприятия

⁴ Олкотт М.Б. Казахстан: непройденный путь / Моск. Центр Карнеги. М.: Гендальф, 2003. С. 110.

⁵ Каримов И. Стабильность и реформы: Статьи и выступления. М.: Палея, 1996. С. 406-407. Цит. по: Малащенко А. Исламская альтернатива и исламистский проект. М.: «Весь мир», 2006. С. 144.

обществом терроризма и религиозного экстремизма как инородных элементов.

Западный, особенно американский, взгляд на роль религии заключается в том, что любые ее проявления, включая фундаментализм и радикализм, должны служить интересам Запада. Когда религиозный фактор направлен на борьбу с негодными режимами, он всемерно поддерживается; но если действия, имеющие религиозный оттенок, представляют угрозу интересам Запада, то они становятся объектом противодействия в любой точке мира. Это прослеживается на следующих примерах:

– исламистские группировки в Афганистане использовались спецслужбами США как действенный инструмент вооруженной борьбы против советских войск в Афганистане в период 1979-1990 гг.; после событий 9/11 последовало вторжение сил ISAF в Афганистан и зачистка террористических баз «Аль-Каиды» и «Талибан», а также ликвидация террориста №1 Усамы Бен Ладена;

– деятельность сепаратистов-исламистов в Чечне и на Северном Кавказе в 1993-2001 гг. находила полную поддержку на Западе; сразу после событий 9/11 произошло резкое охлаждение внимания к проблемам исламизма на Северном Кавказе;

- западные страны всячески поддерживали различные религиозные исламистские группировки в начале Арабской весны, в том числе в Египте, Ираке, Ливии и Сирии, но с появлением реальной угрозы интересам Запада со стороны запрещенного в России «Исламского государства» (ИГ) в 2014 г. была создана широкая международная коалиция, целью которой стала ликвидация этого формирования.

Сами американцы осознают, что такая двойственная политика является контрпродуктивной. В частности, глава ЦРУ Дж. Бреннан признает, что ставка на насаждение демократии западного образца в ходе «арабской весны» оказалась ошибочной. «Были нереалистичные ожидания, что “арабская весна” сметет авторитарные режимы, а демократия расцветет...»⁶ Подобные заявления свидетельствуют о том, что в отношении других регионов, включая Центральную Азию, желание западных стран насаждать «свободу и демократию», а тем более принимать участие в борьбе против авторитарных режимов, явно идет на спад.

Еще более открыто американские эксперты говорят о том, что государства Центральной Азии более не являются приоритетными объектами

⁶ Глава ЦРУ: Обама просчитался с насаждением демократии в ходе «арабской весны» // http://radiovesti.ru/article/show/article_id/215097 (дата обращения 14.01.2017).

американской внешней политики. Об этом, в частности, во время конференций и семинаров, организованных Московским центром Карнеги, заявили экс-посол США в Казахстане Л.Наппер и директор Российско-евразийской программы Фонда Карнеги Ю.Румер.⁷

Таким образом, к началу нового десятилетия 2010-2020 гг. власти постсоветских государств Центральной Азии начали осознавать необходимость поиска собственных приоритетов внутренней политики в религиозной сфере несмотря на то, что в самом начале своего независимого пути в 90-е гг. они находились под морально-политическим влиянием Запада, а также искали духовную и материальную поддержку со стороны стран исламского мира, включая Турцию, Иран, арабские страны Аравийского полуострова, Египет и др. Исламистский опыт Таджикистана, гражданская война с участием ПИВТ, открытые выступления террористических группировок «Ислам Адолати», «Исламского движения Узбекистана» (ИДУ), «Хизбуттахрир» (ХТ), «Акромия» в Узбекистане, Баткентские события в Кыргызстане в 1999 г. и другие проявления агрессии, связанные с религиозным экстремизмом, стали серьезным уроком во внутренней политике государств ЦА.

Единственной страной региона, которая не знала религиозных проблем раньше, не знает их и сейчас, остается Туркменистан, который закрылся от внешнего мира железным занавесом по северокорейскому типу. Серьезный религиозно-государственный конфликт возник лишь один раз, когда муфтий Насрулла ибн Ибадулла выступил в 2002 г. против того, чтобы ставить сочинение главы государства Туркменбаши Сапармурата Ниязова «Рухнама» на один уровень со священным Кораном. Проблема была решена моментально: муфтий был снят с поста, арестован и осужден на 22 года заключения за участие в государственном перевороте. Лишь благодаря смене президента в 2007 году экс-муфтий был помилован.⁸

В практическом плане, начиная с 2010 г., с учетом угроз распространения религиозного экстремизма и радикализма реализация государственной политики в религиозной сфере сосредоточена в трех сферах:

- регулирование религиозной деятельности в рамках конституций и соответствующих законов;
- реализация государственной политики в религиозной сфере через уполномоченные государственные органы по связям с религиозными орга-

⁷ Политика США в Центральной Азии 3.0. Рабочие материалы Карнеги. Март 2016 г. С. 1-2. Электронная версия: <http://carnegie.ru/2016/03/18/ru-pub-63019> (дата обращения 14.01.2017).

⁸ TURKMENISTAN: THE CLAMPDOWN ON DISSENT AND RELIGIOUS FREEDOM CONTINUES. <https://www.amnesty.org/en/documents/eur61/003/2005/en/> (дата обращения 19.01.2017).

низациями (РО) и взаимодействие с официальными религиозными структурами;

- борьба с религиозным экстремизмом и терроризмом и деятельность правоохранительных органов.

Законы о религиозной деятельности и религиозных организациях центральноазиатских республик обеспечивают сохранение светского характера государства, равенство религий перед законом и равноудаленность религиозных организаций от государства даже при том условии, что в некоторых странах, например, Таджикистане и Казахстане, отмечается особая роль ханафитского направления ислама, а в Казахстане – еще и православия. Подобные реверансы, скорее всего, сделаны под влиянием соответствующего российского закона, и если в Казахстане они не сказываются на отношениях государства и различных религий, то в Таджикистане и Узбекистане отмечаются случаи преследования тех мусульман, которые исполняют молитвы не по традиционному ханафитскому мазхабу, что позволяет преследовать инаковерующих мусульман.⁹ Во всех республиках религиозные организации не могут принимать участия в деятельности политических партий, также запрещается создавать политические партии на религиозной основе, что свидетельствует о борьбе с политизацией религии.

Несмотря на то что в законах декларируется светский характер государства и принцип невмешательства государственных органов в религиозную сферу, мы можно выделить некоторые сферы, где государство осуществляет контроль над деятельностью религиозных организаций:

- религиозное образование подлежит государственному лицензированию, за деятельностью религиозных школ осуществляется государственный контроль. В ст. 2, п. 2 Закона «О свободе вероисповедания и религиозных организациях в Кыргызской Республике» прямо говорится: «В целях стабилизации религиозной ситуации, предотвращения религиозных экстремистских беспорядков, обеспечения государственной (национальной) безопасности допускается установление дополнительных нормативных актов по религиозному обучению».¹⁰ В Таджикистане получение религиозного образования в зарубежных странах, в том числе в зарубежных высших учебных религиозных заведениях, разрешается только после получения религиозного образования в Республике Таджикистан и с письменного согласия государ-

⁹ В Таджикистане приверженца «Салафии» приговорили к 3 годам заключения // <http://ru.sputnik-tj.com/country/20161208/1021263148.html> (дата обращения 11.01.2017).

¹⁰ Закон «О свободе вероисповедания и религиозных организациях в Кыргызской Республике» // <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/202498> (дата обращения 11.01.2017).

КОНФЛИКТЫ И ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ

ственных уполномоченных органов по делам религии и образования. Порядок получения религиозного обучения гражданами Республики Таджикистан в зарубежных странах определяется Правительством Республики Таджикистан;¹¹

- государственной религиоведческой экспертизе подлежат многие документы религиозного содержания, религиозная литература и аудио-видео материалы.¹² В Кыргызстане и Туркменистане введены ограничения на ввоз, изготовление, хранение и распространение материалов, содержащих идеи религиозного экстремизма, сепаратизма и фундаментализма.

Очевидно, что в дальнейшем законодательство центральноазиатских республик в сфере религиозной деятельности будет совершенствоваться и обеспечивать еще более строгий контроль государства над деятельностью религиозных организаций. Уполномоченные органы по делам религий или по связям с религиозными организациями существуют во всех центральноазиатских странах. В соответствии с законами постсоветских центральноазиатских стран эти органы могут выполнять следующие функции:

- информирование органов власти о состоянии религиозной обстановки в республике и соблюдении законодательства о свободе вероисповеданий;
- учетная регистрация РО и религиозных образовательных учреждений;
- создание и пополнение банка данных о зарегистрированных религиозных организациях;
- обращение в суд с заявлением о ликвидации РО;
- обеспечение проведения религиоведческих экспертиз;
- внесение предложений по запрещению деятельности физических и юридических лиц, нарушающих законодательство о религиозной деятельности и религиозных объединениях;

Сравнительный анализ полномочий госорганов по делам религий показывает, что контрольными и учетными функциями в большей степени обладают соответствующие органы в Таджикистане и Узбекистане, а в Казахстане, Кыргызстане и Туркменистане им предоставлены лишь информационные и консультативные функции. По своим формам, названиям и структурной подчиненности уполномоченные органы в центральноазиатских рес-

¹¹ Закон Республики Таджикистан «О свободе совести и религиозных объединениях» // <http://www.mmk.tj/ru/legislation/legislation-base/2009/> (дата обращения 11.01.2017).

¹² Закон Республики Казахстан «О религиозной деятельности и религиозных объединениях» // http://www.din.gov.kz/rus/pravovaya_baza/zakony_rk/

КОНФЛИКТЫ И ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ

публиках также различаются. Во всех республиках эти органы находятся в составе правительственных структур,¹³ но в Кыргызстане Госкомиссия по делам религий работает при Президенте. Более того, в сентябре 2016 г. в Казахстане было создано особое ведомство – Министерство по делам религий и гражданского общества Республики Казахстан.

Изучение деятельности уполномоченных органов по связям с религиозными организациями показывает устойчивую тенденцию к усилению контроля над деятельностью религиозных организаций во всех центральноазиатских республиках. Наряду с консультативными и информативными функциями на них все чаще возлагается проведение регистрации РО, организация контроля в отношении соответствия их деятельности уставным целям и задачам.

По мере укрепления и централизации власти под государственный контроль подпали все официальные религиозные структуры, которые в центральноазиатских государствах имеют статус духовных управлений мусульман (только в Таджикистане – Исламский центр). Основным инструментом в этой сфере становится выбор той или иной кандидатуры на пост муфтия-главы ДУМ. Главная цель заключается в том, чтобы глава мусульман нес персональную ответственность за положение дел в мусульманском сообществе и обеспечивал контроль за деятельностью местных религиозных организаций.

Руководство уполномоченных государственных органов совместно с централизованными мусульманскими структурами и другими заинтересованными государственными органами, включая правоохранительные, чаще всего решают следующие задачи:

- обеспечить лояльность государству массы верующих, особенно мусульман;
- не допустить распространения радикализма и экстремизма среди мусульманского населения страны;
- пресечь деятельность неофициальных мусульманских организаций и очистить мечети от неформальных проповедников.

Отношения между государством и официальными мусульманскими структурами во всех центральноазиатских республиках строятся на принципе признания общих целей и задач, которые необходимо решать совместно

¹³ 13 сентября 2016 г. в Казахстане создано новое Министерство по делам религий и гражданского общества. См.: <http://today.kz/news/kazakhstan/2016-09-13/725968-v-kazahstane-sozdano-ministerstvo-po-delam-religij-i-grazhdanskogo-obschestva/> (дата обращения 19.01.2017).

государству и религиозным организациям. Что касается самих духовных управлений мусульман, то они также получают преференции в форме утверждения традиционных форм исповедания ислама и укрепления своего властного статуса в религиозной жизни общества. В настоящий момент все духовные управления мусульман в Центральной Азии можно квалифицировать как квазигосударственные образования, которые следуют в русле внутренней государственной политики и по существу выполняют негласный государственный заказ в идеологической сфере. Причины подобных изменений кроются, прежде всего, в усилении угрозы распространения радикальных и экстремистских идей среди членов мусульманских общин, что может привести к активизации исламского фактора в политической сфере.

В правоохранительной сфере в центральноазиатских республиках в последние годы оказывается также активное противодействие распространению идей религиозного экстремизма. В центральноазиатских государствах составлены списки запрещенных террористических организаций.¹⁴ В октябре 2016 г. Организация договора о коллективной безопасности (ОДКБ), в которую, в частности, входят Казахстан, Кыргызстан и Таджикистан, утвердила единый список террористических организаций.¹⁵ На первом месте стоят широко известные международные террористические организации, которые запрещены не только в Центральной Азии, но и во многих других странах – «Аль-Каида», «Движение Талибан», «Хизб-ут-Тахрир», «Братья мусульмане», «Исламское государство», «Фронт ан-Нусра».

Вторая группа представлена теми организациями, которые имеют региональное распространение: «Исламское движение Узбекистана», «Исламское движение Восточного Туркестана» и др. С этими организациями пришлось столкнуться практически всем центральноазиатским странам, за исключением Туркменистана. К третьей группе относятся те организации, которые ведут свою деятельность в пределах конкретных республик: ПИВТ, «Тоҷикистони Озод» «Жаннаттошиклари» и др.

Существование списков запрещенных организаций в центральноазиатских странах не является чем-то выходящим за международные правовые рамки, поскольку, как отмечалось выше, подобные списки составлены ООН, РФ, США, европейскими и многими другими странами. Основная проблема в борьбе с экстремистами заключается в том, что принадлежность их к той

¹⁴ В открытом доступе имеются подобные списки в Казахстане, Кыргызстане и Таджикистане.

¹⁵ ОДКБ утвердила единый список террористических организаций // <http://news.tj/ru/news/tajikistan/security/20161014/odkb-utverdila-edinii-spisok-terroristicheskikh-organizatsii> (дата обращения 19.01.2017).

или иной организации не может быть документально определена или доказана в рамках процессуальных действий. У запрещенных организаций нет уставов, процедур вступления или выхода, понятия членства и многих других формальных признаков политических, общественных или религиозных организаций. Самых приверженцев тех или иных экстремистских и террористических течений трудно отличить от остальных мусульман.

Тем не менее в центральноазиатских странах по обвинению в принадлежности к запрещенным организациям ежегодно подвергаются арестам по несколько сотен человек: в Узбекистане за 2016 г. – 550,¹⁶ в Кыргызстане за 2015 г. – 430,¹⁷ в Таджикистане в 2015 г. было арестовано 200 человек по обвинению в принадлежности к ПИВТ, не говоря о многих других, задержанных за ношение бороды или нетрадиционное совершение молитвы в мечети.¹⁸

Очевидно, что количество обвиняемых в религиозном экстремизме в Центральной Азии будет возрастать, поскольку терроризм и религиозный экстремизм постоянно расширяют сферу своей деятельности и охватывают все больший круг регионов ЦА. Доказательством тому являются трагические события в Актобе в июне 2016 г., хотя северо-запад Казахстана до определенного времени считался достаточно безопасным.

Необходимо отметить, что увеличение числа арестованных вряд ли сможет решить проблему дальнейшего распространения экстремизма. Власти Таджикистана, например, арестовали такое большое число сторонников запрещенной организации «Салафия», что вскоре были вынуждены прибегнуть к массовому помилованию «вставших на путь исправления».¹⁹ Как было отмечено выше, принадлежность к запрещенным организациям крайне трудно доказать по формальным признакам, поэтому оппозиционные властям силы заявляют о том, что по обвинениям в экстремизме часто задерживают тех, кто выступает против авторитарной системы, или тех, кто придер-

¹⁶ В Узбекистане с начала года задержано около 550 экстремистов // <http://www.casportal.ru/article:29403> (дата обращения 20.01.2017).

¹⁷ В Кыргызстане растет количество террористов и экстремистов // <http://knews.kg/2016/12/v-kyrgyzstane-rastet-kolichestvo-terroristov-i-ekstremistov/> (дата обращения 20.01.2017).

¹⁸ Комиссия США по свободе вероисповедания в странах мира (USCIRF). Ежегодный отчет за 2016 г. Таджикистан // http://www.uscirf.gov/sites/default/files/Tajikistan%202016_Russian.pdf (дата обращения 20.01.2017).

¹⁹ В Таджикистане заметно изменилось отношение властей к последователям течения «Салафия» // <http://ru.sputnik-tj.com/analytics/20160517/1019624861.html> (дата обращения 20.01.2017).

живается инакомыслия в своих религиозных взглядах. Особенно ярко это проявляется в Узбекистане и Таджикистане, о чем, в частности, сообщается в ежегодных отчетах Комиссии США по свободе вероисповедания.

Массовые аресты по обвинению в экстремизме заключают в себе и более серьезную опасность для государств Центральной Азии. Как отмечают авторы американского бестселлера «Исламское государство: армия террора» журналисты Майкл Вайс и Хасан Хасан, для многих сирийцев и иракцев период заключения в тюрьмах стал «университетом терроризма», и такие известные террористы, как Абу Мусаб аз-Заркави и Абу Бакр аль-Багдади примкнули к «Аль-Каиде» и к ИГ именно в период нахождения в заключении.²⁰ И если в места заключения в странах Центральной Азии попадут убежденные и фанатичные проповедники религиозного экстремизма, то они очень быстро смогут привлечь в свои ряды множество уголовников и молодых мусульман, оказавшихся в этих местах из-за незначительных преступлений.

Опасность дальнейшего распространения религиозного экстремизма и терроризма может быть связана и с внешними факторами. На первом месте стоит угроза прихода в регион запрещенного в России «Исламского государства», которое терпит в настоящее время поражение в Сирии в результате действий российских ВС и сирийской правительственной армии, а также в Ираке, где продолжается международная операция по освобождению Мосула. Точных данных о численности граждан центральноазиатских государств, воюющих в рядах ИГ, нет, но по различным оценкам от каждой страны региона на его стороне воюют по несколько сотен человек. Рано или поздно они начнут возвращаться к себе на родину, и маршруты их обратного пути, очевидно, будут пролегать через Турцию, где в 2016 году гражданами центральноазиатских республик был совершен ряд терактов, включая взрывы в аэропорту Ататюрк и нападение на ночной клуб «Рейна».

Второй путь возвращения игиловцев пройдет через Афганистан. Именно в этой стране, вероятнее всего, может произойти их консолидация с Исламским движением Узбекистана (ИДУ), численность боевиков которого оценивается в 2 000 человек.²¹ Как сообщается, значительная часть отрядов ИДУ уже принесла присягу лидеру ИГ,²² и в результате объединения этих

²⁰ Вайс М., Хасан Х. Исламское государство: армия террора. М.: Альпина нон-фикшн, 2016. С. 32-34, 114-119.

²¹ Исламское движение Узбекистана // <http://www.centrasia.ru/news.php?st=1350885060> (дата обращения 20.01.2017).

²² Что ждет «Исламское движение Узбекистана»? // <http://rus.azattyq.org/a/imo-leader-smon/27205030.html> (дата обращения 20.01.2017).

группировок на границах с Таджикистаном и Узбекистаном может сформироваться крупная боеспособная террористическая армия.

Реальная угроза политической реисламизации извне сохраняется и для Таджикистана. В сентябре 2015 года Партия исламского возрождения Таджикистана (ПИВТ) была признана террористической и запрещена на родине. Около ста ее руководителей были приговорены к различным срокам заключения. Сам лидер партии Мухиддин Кабири находится в изгнании, многие сторонники ПИВТ также вынуждены эмигрировать, в основном, в Иран.²³

Внешние угрозы со стороны экстремистов и террористов затрагивают все центральноазиатские республики. Баткентские события показали, насколько легко в условиях прозрачности границ крупные отряды боевиков могут переместиться в Кыргызстан и Казахстан. В каждом из этих государств, как показали актобинские события, имеются собственные организованные группы, готовые совершать вооруженные террористические действия.

В заключение следует отметить, что центральноазиатские государства и их лидеры хорошо осознают, какую серьезную и реальную угрозу представляет глобальный «призрак исламизма», который бродит по всему миру. В каждой стране принимаются свои меры по борьбе с религиозным экстремизмом, которые реализуются через правоохранительные органы, в рамках деятельности уполномоченных госорганов по работе в религиозной сфере, а также при содействии официальных религиозных структур.

В Кыргызстане, в частности, в 2014 году была утверждена «Концепция государственной политики в религиозной сфере на 2014 – 2020 годы», в Казахстане действует «Государственная программа по противодействию религиозному экстремизму и терроризму на 2013 – 2017 гг.». Главной задачей ставится «формирование политики государства по противодействию деструктивной деятельности религиозных организаций и предупреждению религиозного экстремизма и терроризма».²⁴

Проблема религиозного экстремизма и безопасности выносится на первое место в повестках дня саммитов СНГ и ОДКБ, и для России эта сфера является одной из приоритетных при расширении многостороннего сотрудничества на постсоветском пространстве. В частности, на саммите

²³ Вынесены приговоры активистам ПИВТ // <http://nm.tj/politics/39977-vyneseny-prigovory-aktivistam-pivt-dvoim-dali-pozhiznennye-sroki.html> (дата обращения 20.01.2017).

²⁴ Концепция государственной политики в религиозной сфере Кыргызской Республики на 2014-2020 годы // http://www.karakolcity.kg/ru/law/religion/2_1.html (дата обращения 19.01.2017).

ОДКБ 2015 г. в Таджикистане российский президент В.Путин говорил: «Возросла реальная опасность проникновения на территорию сопредельных с Афганистаном государств террористических и экстремистских группировок, причем эта угроза усугубляется тем, что помимо известных организаций на афганскую территорию распространило своё влияние и так называемое Исламское государство. Размах деятельности этой организации вышел далеко за пределы Ирака, Сирии».²⁵

Религиозный экстремизм в Центральной Азии, несмотря на реальность его угроз, все еще не нашел однозначной оценки в политических и общественных кругах региона. Как отмечалось выше, в мире существуют различные, зачастую противоположные взгляды на проблемы демократии и религиозных свобод. В спорах и дискуссиях в этой области происходит столкновение позиций сторонников жесткой позиции государства в религиозной сфере и защитников либеральных подходов к оценкам масштабов исламской радикализации в Центральной Азии.²⁶ Лишь дальнейшее развитие событий в Центральной Азии станет объективным критерием правомерности позиций участников подобных теоретических споров.

²⁵ Саммит ОДКБ // <http://www.kremlin.ru/events/president/news/50291> (дата обращения 20.01.2017).

²⁶ Открытое обращение международных исследователей к Международной кризисной группе // <http://caa-network.org/archives/8258> (дата обращения 20.17.2017).